

ПРАВОСЛАВИЕ В УКРАИНЕ»: Епископ Подольский Иларион (Алфеев): «Русская Православная Церковь — это не только Церковь России»

Владыко, Вы представитель Московского Патриархата при европейских международных организациях. Чем вызвана необходимость для Церкви иметь своего представителя в европейских структурах? Неужели не достаточно представительства России как государства?

Во-первых, Русская Православная Церковь — это не только Церковь России и, конечно же, не «Церковь русских»: это многонациональная Церковь, чья каноническая юрисдикция простирается и на Украину, и на Белоруссию, и на Молдову, и на другие страны, некогда входившие в Советский Союз. Кроме того, у нашей Церкви множество общин на Западе, в том числе в странах Европейского Союза: десятки или даже сотни тысяч наших верующих живут в этих странах. После же расширения Евросоюза в 2004 году, когда в него войдут Эстония, Латвия и Литва, количество наших приходов там увеличится еще примерно на триста общин. Это одна из причин, по которой Русская Церковь заинтересована в контактах с европейскими межправительственными организациями. Но интересы Русской Церкви нельзя считать полностью идентичными интересам российского государства. И было бы совсем неверно ожидать от Российского государственного представительства, чтобы оно выступало от лица Церкви, так же как и Церковь не должна выступать от имени государства. Думаю, и российскому государству, и Русской Церкви есть что сказать Западу, и их голос должен звучать отдельно, хотя, разумеется, по многим вопросам позиции государственных и церковных деятелей будут совпадать.

Православная Церковь может внести весомый вклад в дело созидания новой Европы прежде всего на духовном, нравственном и мировоззренческом уровнях. В Европейском Союзе сейчас идут напряженные дискуссии о будущем Европы и мира, в основу европейского сообщества закладываются определенные нравственные, политические и духовные нормы. Эти нормы будут распространяться не только по всему Евросоюзу, но и за его пределами. По сути дела сейчас налицо попытка создания универсального нравственно-правового кодекса. И если в формировании этого процесса Православная Церковь не будет принимать участия, то, когда этот процесс завершится, окажется, что очень многое из того, что уже сформировалось и чего уже не изменишь, чуждо православному вероучению. Поэтому важно, чтобы уже на этапе формирования общеевропейских ценностей голос Православной Церкви звучал и был различим в хоре других голосов.

Одна из дискуссий посвящена будущей Европейской конституции: обсуждается вопрос о том, должна ли в ней упоминаться религия, в частности, христианство. Франция, будучи страной с многолетней традицией секуляризма, категорически против того, чтобы в конституции были какие бы то ни было упоминания о религии. Таковы современные правила «политической корректности», которые ориентированы на заведомо секулярную модель общественного устройства и оставляют религии очень мало пространства на общественном уровне. Секулярная модель, согласно которой любая Церковь и любая религия имеют право существовать только на уровне частной практики отдельных людей, но не должны влиять на общественную жизнь и общественные процессы, навязывается сейчас всему Европейскому Союзу, а потом будет навязываться и всему миру. Я думаю, что многие христианские общины с таким положением и таким подходом не согласны. Ведь у Церкви есть социальное измерение: Церковь создавалась не для того, чтобы существовать в катакомбах, создавалась совсем не только для частного благочестия. У Церкви есть миссионерский императив, и она является частью общества. Поэтому ее голос должен быть слышен в обществе. Плюралистическая модель общественных отношений, которая складывается сейчас на Западе, должна давать Церкви право быть самой собой и осуществлять активную проповедническую, пастырскую и миссионерскую работу без опасения нарушить рамки политкорректности, в которые ее пытаются втиснуть.

Так традиционно сложилось, что мы смотрим на Запад как на некую агрессивную по отношению к нам среду, постоянно говорим о противостоянии Запада Востоку. НАТО воспринимаем по отношению к нам как агрессивный блок. Насколько, на ваш взгляд, Запад агрессивен по отношению к Православному Востоку, в частности, по отношению к Украине и России?

Запад — понятие многоплановое. Там немало людей, сочувствующих Православной Церкви, интересующихся Православным Востоком. Но есть и те, кто считает, что «Запад кончается там, где начинается Православие» (это высказывание одного австрийского министра характеризует настроение многих). Сейчас Западная Европа объединяется, но побочным продуктом этого объединения может стать новый «железный занавес», который пройдет не там, где он был раньше, когда существовал «восточный блок», а по западной границе государств с православной идентичностью. Такие страны, как, например, Россия и Сербия, могут оказаться по ту сторону железного занавеса.

Кроме того, существует немало железных занавесов на культурном, психологическом уровне: на Западе многие люди относятся с предубеждением к Востоку, к странам «пост-советского пространства», к Православию, к Русской Церкви. Задача нашего церковного представительства при Евросоюзе будет заключаться в том, чтобы вносить вклад в дело преодоления существующих барьеров, разрушения старых

стереотипов, создания климата доверия между Западом и Востоком, между православным Преданием и другими традициями, существующими в Европе.

У нас есть большая заинтересованность в контактах с Западом. И, думаю, нам пора отказаться от стереотипа, согласно которому весь Запад враждебен по отношению к нам. На Западе есть силы, враждебные и России, и Украине, и Православной Церкви, но нет никакой заведомой предрасположенности к вражде. Наоборот, существует немало предпосылок к расширению диалога, углублению сотрудничества. Расширение Евросоюза, по-видимому, откроет в этом плане новые возможности, и ими, несомненно, надо будет воспользоваться.

Сегодня много говорят о католической экспансии и прозелитизме на территории Русской Церкви. В Украине это особенно чувствуется. Что Вы думаете по этому поводу? Существует ли проблема католической экспансии на Восток, а также проблема унии? И каково Ваше отношение к этому как епископа Русской Православной Церкви и Ее представителя в Европе?

Думаю, что проблема католической экспансии и проблема прозелитизма, безусловно, существуют, но в ходе нашего обсуждения этой проблематики с официальными представителями Католической Церкви мы наткнулись на одно серьезное препятствие: у нас разное понимание прозелитизма и принципа «канонической территории». Католики говорят: «Мы не занимаемся обращением в христианство тех верующих, которые ходят в ваши храмы; мы работаем с теми людьми, которые являются или атеистами, или людьми нецерковными». Понимание прозелитизма у католиков очень узкое: для них прозелитизм — это обращение верующих одной Церкви в другую при помощи подкупа или иных нечестных средств. Понятие «канонической территории» они теперь вообще отрицают, говоря, что у Католической Церкви универсальная миссия свидетельствовать о Христе «всему миру».

С нашей точки зрения, прозелитизмом является всякая миссионерская деятельность той или иной христианской общины, осуществляемая в ущерб Поместной христианской Церкви данного региона. Мы, кроме того, не считаем, что основное население наших стран — атеисты или агностики. У нас много людей далеких от Церкви и от религии вообще, но большинство наших людей находится на пути к Богу. Надо им помочь обрести свои корни, а не искусственно переманивать их в иные христианские общины. Что же касается понятия «канонической территории», то следует признать, что оно требует дальнейшего изучения. Раньше католики его признавали. Баламандский документ 1993 года, в котором уния была совместно осуждена православными и католиками, говорил о «территориях, традиционно составляющих юрисдикцию Православной Церкви». Сейчас делается вид, что таких территорий не существует и что весь мир представляет собой миссионерское поле для Католической Церкви.

Отношения между нашими Церквями обострились после того, как в результате известных политических изменений на Западной Украине началось возрождение Греко-Католической Церкви, запрещенной в 1946 году по приказу Сталина. Это возрождение само по себе было фактом, свидетельствовавшим о появлении той религиозной свободы, которая необходима для нормального существования всех христианских конфессий. Однако оно, к сожалению, сопровождалось грубым насилием со стороны греко-католиков. С конца 80-х годов на Западной Украине начался массовый захват храмов, которые до 1946 года принадлежали греко-католикам, а после были переданы Православной Церкви. В результате действий греко-католиков были практически разгромлены три православных епархии: Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская.

Кто-то может сказать, что возвращение храмов Греко-Католической Церкви было лишь восстановлением исторической справедливости, так как эти храмы были у нее в свое время отняты насильственно. Но мне кажется, что нельзя исправить одну историческую несправедливость путем другой исторической несправедливости. Невозможно автоматически восстановить статус-кво, имевший место до 1946 года. Нельзя забывать и о том, что за прошедшие с 1946 до начала 90-х годов почти полвека на Западной Украине родились и выросли два поколения людей, для которых именно Православная Церковь стала Церковью-матерью. И далеко не все они хотели возвращаться или обращаться в униатство. Поэтому раздел церковной собственности должен был происходить таким образом, чтобы учитывались интересы обеих сторон, т.е. путём переговоров, а не путём насильственного захвата православных храмов греко-католиками.

Сейчас уже достаточно очевидно, что речь идет не просто о расширении влияния Католической Церкви в традиционно православных странах, но о кардинальном изменении курса Католической Церкви по отношению к Православной Церкви. На Втором Ватиканском соборе был принят курс на сближение с Православием, на признание Православной Церкви Церковью-Сестрой. Этот курс, который последовательно проводился папами Иоанном XXIII и Павлом VI, в последние годы был изменен. Отношение к Православной Церкви стало совсем другим — таким, каким оно было до Второго Ватиканского Собора. И это наблюдается не только в отношениях между Римской и Русской Церквями, но и в отношениях между Православной и Католической Церковью в целом. Богословский диалог между Римско-Католической Церковью и Поместными Православными Церквями, который проходил на

протяжении двух десятилетий, сейчас фактически прекращен. Это произошло во время заседания Смешанной комиссии по диалогу в Балтиморе летом 2000 года. Темой встречи были канонические и экклезиологические последствия унии. Православные участники комиссии хотели сделать совместное заявление о том, что не только уния как некий исторический фактор далекого прошлого не была и не является путём к восстановлению единства (подобные заявления уже были сделаны в начале 90-х годов во Фрайзинге и Баламанде), но и что само экклезиологическое положение греко-католиков является ненормальным. Иными словами, уния — не проблема прошлого, но проблема настоящего, кровоточащая рана на теле Церкви; и мы хотели это подчеркнуть.

На подготовительных встречах в Риме и в Арриччи в 1997 и 1998 годах был принят предварительный текст, в котором говорилось о том, что уния — явление «ненормальное», поскольку униатизм, во-первых, самим фактом своего существования ставит под вопрос спасительность Церквей-Матерей (т.е. Поместных Православных Церквей), во-вторых, противоречит фундаментальному экклезиологическому принципу, согласно которому в определенном месте должна быть только одна Поместная Церковь и один епископ, и в-третьих, предполагает концепцию вселенской юрисдикции Римского епископа, неприемлемую для православного богословия.

Когда мы, официальные делегаты Поместных Православных Церквей, прибыли в Балтимор, мы надеялись, что будет подписан документ именно такого или примерно такого содержания. Однако к глубокому своему изумлению мы обнаружили, что римско-католическая сторона не только не готова двигаться вперед по пути диалога, но фактически отказывается от уже достигнутых предварительных договоренностей, зафиксированных в документах встреч в Риме и Арриччи в 1997–98 годах. В частности, в Балтиморе нам было заявлено, что католическая сторона считает униатство с точки зрения канонической и экклезиологической абсолютно нормальным явлением, поскольку униаты находятся в общении с Римом. После целой недели бесполезных прений нам так и не удалось ни до чего договориться, и диалог был приостановлен без каких бы то ни было планов его продолжения в будущем.

Многие православные делегаты, которые присутствовали в Балтиморе, восприняли все происшедшее как огромный шаг назад — в эпоху до Второго Ватиканского Собора. Должен сказать с сожалением, что сама атмосфера, которая царила на православно-католических собеседованиях в Балтиморе, скорее напоминала о Ферраро-Флорентийском, чем о Втором Ватиканском Соборе. В один из дней ситуация накалилась до такой степени, что вся католическая делегация во главе с кардиналом Кассиди покинула зал, так как продолжать дискуссию было невозможно. Благодаря «челночной дипломатии» отдельных членов комиссии заседание все же удалось возобновить на следующий день, но никаких результатов стороны не достигли. Комиссия по сути признала свою неспособность решить проблемы и сочла необходимым обратиться к руководству участвующих в диалоге Церквей с вопросом о целесообразности дальнейшего продолжения диалога.

Католики утверждают, что Православная Церковь из-за своих внутренних проблем не может даже сформулировать единые претензии и вопросы к Католической Церкви. Так ли это?

Это не так. У нас действительно есть внутренние проблемы, но существует единая позиция Православных Церквей в отношении католического прозелитизма на традиционно православных территориях, а также по целому ряду других вопросов, связанных с взаимоотношениями между Православной и Католической Церквями. Русская Церковь сформулировала вполне конкретные претензии к Католической Церкви, названы вполне конкретные факты католического прозелитизма. И большинство Православных Церквей нас поддержало. Существует межправославная солидарность, несмотря на то, что внутриправославные проблемы еще ждут своего решения.

Существует мнение, что проблема раскола в Украине имеет еще и геополитическое измерение: предпринимаются преднамеренные попытки создать псевдоправославные структуры, которые были бы антирусскими, антивосточными, прозападными. Насколько такой взгляд на раскол Вы считаете уместным?

Мне трудно высказать компетентное суждение об украинском расколе, так как для этого надо жить на Украине и видеть ситуацию изнутри. Но у меня сложилось впечатление, что раскол никогда не получил бы такого влияния, если бы его в свое время не поддержало государство. Когда государственная политика направлена на расчленение Православной Церкви, на ослабление ее позиций, когда государство начинает поддерживать неканонические церковные структуры, это очень плохо. Но нельзя забывать также о том, что расколы происходят прежде всего по вине церковных людей. И роль, и вина этих людей в расколах очень велика. Нередко расколы возникают из-за личных амбиций отдельных иерархов. Именно так было с филаретовским расколом: человек, который не смог стать Патриархом Московским и всея Руси потому, что его не выбрал народ, духовенство и епископат, достиг своей цели иным путем — стал лжепатриархом «Киевским и всея Руси-Украины».

Никакой раскол никогда не может решить никакие проблемы, он лишь создает новые проблемы. Когда я ходил по Киеву, мне показывали храмы: вот этот наш, а этот филаретовский, а вон тот автокефалистов, а

здесь служат греко-католики. Видеть это было очень грустно. В тот момент, когда Церковь должна была бы возрождаться и церковные силы консолидироваться, происходят разделения, и энергия людей тратится не на созидательный труд, а на междоусобные брани.

На примере Украины мы наблюдаем то, что происходило неоднократно в истории: если Церковь не гонима внешними силами, испытания и искушения приходят изнутри. В советское время Русская Церковь находилась под очень жестким государственным контролем, гонения были очень жестокими. Сейчас гонения прекратились, но диавол не успокоился: он избрал новую тактику и теперь стремится разрушить Церковь изнутри, находит людей, которые готовы взяться за эту грязную работу и их руками делает свое черное дело. Но будем помнить о том, что на мистическом уровне Церковь остается единой и что «врата ада не одолеют ее».

Сегодня в Украине, во исполнение ее обязательств перед Евросоюзом, идет процесс возвращения Церкви ее имущества. Но получается так, что имущество, отобранное некогда у Русской Православной Церкви, возвращается не только ее правопреемнице на территории Украины — Украинской Православной Церкви, но и новообразованным религиозным организациям, таким как «Киевский патриархат», «автокефальная церковь». Даже греко-католикам передаются храмы, которые никогда им не принадлежали. Должна ли быть выражена позиция Русской Православной Церкви по этому вопросу и будете ли вы, как представитель РПЦ при Совете Европы, эти вопросы изучать и поднимать?

Я думаю, что Представительство Русской Церкви при европейских организациях в Брюсселе создавалось в том числе и для того, чтобы можно было при его посредстве поднимать и решать подобного рода вопросы. Но инициатива в данном случае должна исходить от самой Украинской Церкви.

Проблема реституции собственности часто связана с другой проблемой — правопреемства. По закону собственность должна возвращаться либо тем, кто ею владел, либо их правопреемникам. Но на преемство иногда претендуют сразу несколько организаций, и государство должно решать, кому из них отдать предпочтение. Для нас все достаточно очевидно: правопреемницей Киевского экзархата Русской Православной Церкви является Украинская Православная Церковь (Московского Патриархата) как единственная каноническая Православная Церковь на территории Украины. Но критерий каноничности, к сожалению, никак не учитывается светскими властями.

Проблема усугубляется еще и отсутствием у Церкви в Украине статуса юридического лица. Имеют ли европейские Церкви такой статус? И каковы вообще модели взаимоотношений между Церковью и государством в Европе?

Как правило, зарегистрированные церковные общины имеют юридический статус. Что же касается взаимоотношений между Церковью и государством, то в каждой стране Европы своя модель и свои правила. В Великобритании, например, статус государственной религии имеет Церковь Англии, в Ирландии — Католическая Церковь, в Финляндии — Лютеранская и Православная Церкви. В некоторых странах государство платит жалованье священникам. В частности, в Греции православные священнослужители получают зарплату от государства, а в Бельгии — и католические и православные (но не протестанты).

Верите ли вы в то, что голос Русской Православной Церкви будет услышан в европейском сообществе?

Для того, чтобы голос Русской Церкви звучал в Европе, нужно, мне кажется, чтобы изменилось отношение к нашей Церкви. Хотелось бы, например, при помощи нашего Представительства в Брюсселе наладить хороший контакт с западной прессой, чтобы в европейских средствах массовой информации образ Русской Церкви стал постепенно меняться. На Западе существует множество различных мифов и стереотипов относительно Русской Церкви. Говорят, что вся эта Церковь состоит из бывших сотрудников КГБ, что она сплелась с государством и претендует на роль «государственной церкви» и т.п. О реальном бытии Церкви, возрождающейся после десятилетий гонений, о жизни ее епархий, монастырей и приходов знают очень мало, зато все скандалы и нестроения, происходящие на церковной почве, освещаются очень подробно. Удастся ли нам переломить эту ситуацию и создать вокруг нашей Церкви ту атмосферу доверия, которая необходима для того, чтобы ее голос был услышан? Пока ответить на этот вопрос трудно. Но мне кажется, что если мы будем давать европейским средствам массовой информации сбалансированную и правдивую информацию о реальной жизни Церкви, это пойдет на пользу и нам и европейскому сообществу. И рано или поздно наш голос зазвучит там в полную силу.

Беседу вел протоиерей Георгий Коваленко

«Пресс-служба Украинской Православной Церкви»